

Б. В. Орехов

Работа Р. Г. Назирова «Сюжет как компромисс» в архиве учёного (предисловие к публикации)

Мы уже писали в ДКХ о Ромэне Гафановиче Назирове (1934—2004), посвятив ему в прошлом номере (ДКХ 2009, №2) специальный мемориальный раздел. Там были воспоминания об учёном, попытки осмыслить сделанное им в науке и педагогике, библиография. Не было самого, пожалуй, удивительного на сегодняшний день — рассказа о его архиве. Р. Г. Назиров за свою жизнь опубликовал всего одну монографию и несколько десятков статей¹, но только после его смерти стало ясно, что масштаб написанного им несоизмеримо значительнее. От Назирова остался огромный архив конспектов, черновиков и перебелённых рукописей и машинописей, никогда не публиковавшихся (а может быть, и не предназначавшихся для печати) статей, монографий, учебников, энциклопедических и исторических очерков, летописей, словарей. Трудно решить (не дать какой-то ответ «для себя», построив некоторую правдоподобную версию, а именно разгадать реальную психологическую загадку), почему никто, включая часто ближайших учеников и друзей, не имел представления о масштабах сделанного, почему лишь малая часть написанного оказывалась в печати. У публикатора нет никаких специальных теорий, которые бы не могли прийти в голову вероятному читателю, или биографических сведений, которые бы проливали какой-то свет на эту, безусловно, удивительную ситуацию.

Помимо оконченных и неоконченных научных трудов, как уже упоминалось, большую часть архива Назирова составляют его конспекты-очерки: написанные собственными словами реферативные экскурсы в очень разные области мировой истории и культуры — от истории Турции до культуры Ислама и живописи второй половины XX века. Это разгадка того самого энциклопедизма, о котором вспоминали в своих мемуарах авторы посвящённого Назирову раздела в ДКХ №42.

Эти очерки, сделанные для себя и не предназначенные для чужих глаз, очень много дают для понимания образа мысли выдающегося литературоведа. Среди тех особенностей, которые сразу бросаются в глаза, стремление к масштабным обобщениям, самым органичным образом сочетающееся с вниманием к деталям (например, в очерке истории Польши после описания восстания Костюшко Назиров добавляет несколько десятков биографических портретов участников восстания — чтобы за исторической тектоникой не забыть того, что он называл «ароматом эпохи»), жёсткая ценностная иерархия, в общем и целом повторяющая культурную парадигму модерна, в которой на самом верху аксио-

---

¹ ДКХ. 2009. № 2. С. 162—170.

логической пирамиды находятся гуманизм и художественная культура, а также ошутимое тяготение к артистизму высказывания, способному даже заслонить собственно исследуемую историческую реальность.

Публикуемая ниже статья, в которой в полной мере отразились все названные особенности научного метода Назирова, по всей видимости, должна была стать частью планировавшейся им монографии об истории мировых сюжетов (вероятное название — «Превращения сюжетов»). Некоторые главы этой работы («Сюжет об оживающей статуе», «Запрет оглядываться», «Хрустальный гроб» и др.) вышли отдельными публикациями ещё при жизни автора. Трудно сказать, отказался ли в итоге Р. Г. Назиров от публикации монографии, которая бы итоговым образом объединила все его многолетние изыскания на эту тему, но то, что история сюжетов (в рамках которой им в докторской диссертации была предложена новая филологическая субдисциплина — сравнительная история фабул) серьёзно занимала его, несомненно. Полный план монографии не сохранился, но ясно, что в книгу должны были войти статьи об архаических и фольклорных сюжетах (в частности, выходявшие в сборнике «Фольклор народов РСФСР»), которые составили бы её первую часть, а во вторую часть книги должны были быть включены работы (большой частью неопубликованные) о сюжетах Средних веков и Нового времени. Начало статьи именно с таким названием, «Сюжеты новых времён», сохранилось в архиве учёного. К сожалению, эта вводная часть только трактует исторические рамки Нового времени, а собственно сюжетика оставлена для продолжения, которое либо так и не было написано, либо ещё ждёт своего открытия.

Черновик статьи, хранящийся в деле 4А, вероятнее всего, является результатом одного из последних этапов работы над текстом. 11 листов формата А4 содержат написанный чрезвычайно разборчивым почерком и, по обыкновению Р. Г. Назирова, перьевой чернильной ручкой текст с очень немногочисленными исправлениями, в подавляющем большинстве случаев — исправлениями технического характера. Вычеркнутые автором замечания по поводу еврейского вопроса, сделанные, может быть, более резким тоном, чем остальной текст статьи (к чему есть биографические основания, так как по материнской линии Р. Г. Назиров имел еврейское происхождение) помещены в концевых сносках после публикуемого текста. Там же читатель сможет найти сделанные позднее шариковой ручкой рукой Назирова пометы на полях рукописи.

Статья, по всей видимости, должна быть датирована не ранее конца 1980-х годов, на что указывает важная для логики работы ссылка на статью С. С. Аверинцева в вышедшей первым изданием в 1987—1988 гг. энциклопедии «Мифы народов мира». Если она была написана в напряжённый период подготовки к защите учёной степени доктора наук (1995 г.), то, возможно, была просто отложена в сторону до удобного случая, но так никогда и не была напечатана.

Иногда Р. Г. Назиров делился сведениями об изысканиях, которые были тематически близки исследованиям его коллег по кафедре. Так, доцент кафедры русской литературы и фольклора БашГУ, которой заведовал Назиров, Р. Х. Якубова в своей монографии «Творчество Ф. М. Достоевского и художественная культура» (Уфа, 2003) посвящает несколько страниц второго параграфа третьей главы «Куклы и кукловоды в повести Достоевского «Дядюшкин сон»» куклам-

автоматам XVIII—XIX веков (С. 132—135). Однако о публикуемой ниже статье ей ничего не было известно.

Очевидно, что в одном концептуальном контексте со статьёй Назирова находится и работа Ю. М. Лотмана «Куклы в системе культуры», по сравнению с которой публикуемая ниже статья гораздо более насыщена детальным историческим материалом но, конечно, имеет при этом и несколько закономерных тематических переключек. В одном ряду с этой работой стоит и другая статья Назирова «Сюжет об оживающей статуе»: той же темы касается в вышеупомянутой работе и Ю. М. Лотман, Назиров же выделяет каждый из этих сюжетов (о кукле и о статуе) в отдельное производство.

Статья «Сюжет как компромисс» (нельзя не отметить некоторую пристрастность автора к подобной стратегии названия, так как в наследии Р. Г. Назирова находится и статья «Вражда как сотрудничество» о Тургеневе и Достоевском) даёт полное представление о научном стиле Назирова, который включает в себя отчётливый просветительский компонент (иногда граница между, вроде бы, далёкими друг от друга жанрами научной статьи и лекции у него слаборазличима), пафос причастности к мировой культуре в масштабах Большого времени (автор говорит о Мэри Шелли так, что у читателя может создаться впечатление их личного знакомства). Эти составляющие, у любого другого автора способные вызвать раздражение претенциозностью, в случае Назирова не снижают впечатление, а напротив, сообщают его текстам неповторимое обаяние, знакомое всем, кому довелось знать его лично.